

The background of the cover is a stylized illustration. In the upper left, a large, dark tree with many leaves stands against a sky with soft orange and blue clouds. In the lower left, a person with dark hair, wearing a light grey hoodie and blue jeans, sits on a dark rock, looking towards the right. In the center and right, a large, arched stone bridge made of grey blocks spans a river. The river flows through the bridge's arch, with blue water and dark rocks visible. The overall mood is contemplative and serene.

18+

Филип
Пулман

РАЗРУШЕННЫЙ
МОСТ

Впервые на русском языке — роман о взрослении
от автора трилогии «Золотой компас».

Филип Пулман
Разрушенный мост
Серия «Золотой фонд Ф. Пулмана»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68345734
Разрушенный мост: АСТ; М; 2022
ISBN 978-5-17-148834-5

Аннотация

Шестнадцатилетняя Джинни живет вдвоем с отцом в Уэльсе, на берегу моря. От матери, которая умерла, когда она была еще совсем маленькой, ей достались талант и тяга к искусству. Но однажды на пороге их дома появляется человек, который рассказывает нечто такое, от чего мир Джинни рушится.

Все, что она знала о своей семье, оказывается ложью. Джинни полна решимости совершить путешествие в прошлое и пролить свет на тайны, которых в ее еще недавно безмятежной жизни вдруг оказалось слишком много.

Содержание

Пролог	5
1	6
2	25
3	43
4	57
5	69
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Филип Пулман

Разрушенный мост

Text copyright © 1995 by Philip Pullman

© Е. Лозовик, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Пролог

Дело было на игровой площадке в школе: кто-то крикнул «Эни-бени-жаба!», и все посмотрели на Джинни, а потом рассмеялись. И потом все время звали ее жабой.

Вечером в ванной Джинни попросила папу, чтобы тот тер мочалкой сильнее.

– Но зачем? – удивился он. – Ты же и так до блеска отмылась.

– Нет, я грязная.

– Ничего ты не грязная, глупышка.

– Но я ведь не такая же, как остальные. Хочу, чтобы моя кожа была того же цвета, что у них. Они меня дразнят жабой.

– Просто у тебя кожа одного цвета, а у них – другого, это нормально, – возразил папа.

«Но почему для меня нормально быть не такой как все?» – хотела спросить Джинни. Ведь даже папина кожа была светлой. Но он поцеловал ее, завернул в полотенце и хорошенько растер. Сначала она не могла говорить, а потом забыла, что собиралась сказать. А называть жабой ее в школе перестали.

1

Гостья

Дело было жарким днем в конце летнего семестра. Джинни уже исполнилось шестнадцать. Она пришла домой из школы и увидела, что папа уже вернулся с работы и разговаривает с незнакомой женщиной. Обычно он приходил только после шести вечера: Джинни к тому времени уже успевала разделаться с домашними заданиями, почистить картошку, приготовить салат или придумать еще что-нибудь на ужин. Папа не предупредил, что сегодня вернется раньше. Джинни услышала голоса, когда вошла на кухню, и тут же почувствовала, как тревожно сжалось сердце.

Они сидели в гостиной. Папа казался озадаченным, его гостья – дама в костюме – улыбнулась и протянула Джинни руку, которую та автоматически пожала.

– Это Венди Стивенс, – сказал папа.

Венди Стивенс была женщиной крупной – Джинни даже назвала бы ее толстой. Копна ее светлых волос была аккуратно уложена в прическу, больше подошедшую бы певице «кантри», фигуру обтягивал темно-синий костюм, щеки были нарумянены, глаза подкрашены, лоб блестел от пота. А еще она постоянно улыбалась, когда говорила. И задавала – очень дружелюбно – множество вопросов о школе, хобби,

занятиях спортом, моде и музыке, но из-за этих вопросов Джинни уже через пять минут растерялась и начала сама себе казаться бунтаркой. Папа ушел на кухню; нетрудно было заметить, что он рад возможности сбежать.

– А кто вы? – спросила, наконец, Джинни. – Вы дружите с папой?

– Нет, я работаю в отделе социальных услуг. Не здесь. В Ливерпуле.

– Вы социальный работник? – немедленно преисполнилась подозрений Джинни.

– Отчасти. А что? Ты не любишь социальных работников?

– Я ни с кем из них не знакома. Просто интересно, почему вы задаете все эти вопросы.

– Хочу познакомиться поближе, – улыбнулась Венди.

– Но так мы не познакомимся... Спорт, мода и музыка – все это не определяет меня.

– Еще я знаю о твоём хобби.

– Хобби?

– Рисование. Живопись.

– Это не хобби, – решительно возразила Джинни. – Не хочу показаться грубой, но... зачем вы здесь?

– Тебя это беспокоит?

– Ага. Вы нас проверяете, или что?

– Что я могла бы проверять?

– Ну не знаю.

– И все же?

Джинни решила, что все это какая-то дурацкая игра, но тут одно воспоминание заставило ее вздрогнуть. Совсем недавно в новостях рассказывали о том, как социальные службы не успели вовремя забрать ребенка у агрессивного отца. Был и другой случай: сотрудники увезли ребенка, а позже выяснилось, что его отец ничего такого не сделал. Не потому ли к ним явилась Венди Стивенс? Неужели кто-то решил, что Джинни бьют дома? Они ведь живут без мамы. Вдруг ее хотят разлучить с отцом?

Джинни встала и подошла к окну, выходившему в крохотный палисадник у крыльца и поля, раскинувшиеся до самого моря. С этими социальными работниками не угадаешь. Она не знала, в их ли власти увезти ее, но кажется, они имели право забирать детей у родителей – и не важно, соглашались те на это или были против. Глупость какая-то. Никто ни за что бы не поверил, будто папа может причинить ей боль. Это же невозможно.

– Ты как будто привидение увидела, – сказала Венди Стивенс. – Я настолько тебе не нравлюсь?

Скрипнула дверь: на пороге появился папа, держа в руках поднос с чашками и тарелочками с печеньем. Джинни сразу поняла: что-то не так. Очень хотелось сбежать на пляж, но если остаться, можно будет показать – у них с папой нет никаких проблем. Может, Венди Стивенс увидит это, уйдет и оставит их в покое.

Поэтому она села пить чай со взрослыми: передавала пе-

ченье, болтала о школе, а Венди Стивенс в какой-то момент начала поглядывать на часы и собирать документы, которые были у нее в руках. Бумаги постепенно снова переключались в вишнево-красную пластиковую папку с зелеными уголками и выцветшей наклейкой «Поддержим шахтеров».

– Приятно было познакомиться с тобой, Джинни, – сказала она, наконец поднимаясь на ноги. – Надеюсь, мы встретимся снова.

Пожав ей руку, Джинни улыбнулась и кивнула, а потом принялась собирать чашки и тарелки, пока папа провожал гостью к припаркованному на улице «Рено».

– Зачем она приходила? – спросила Джинни, стоило ему вернуться. – Задавала все эти вопросы. Исключительно дурацкие: про музыку и прочую ерунду. Как будто пыталась меня опекать.

– Может, это моя новая подружка.

– Нет, у тебя вкус получше.

Папа улыбнулся, но ощущение беды никуда не делось. Подойдя к раковине, он начал мыть посуду.

– Так в чем дело? – настаивала Джинни.

– Ничего особенного... Помнишь, мы раньше жили в Ливерпуле?

– В том подвальчике, где тебе приходилось спать рядом с холодильником?

– С холодильником? Нет, холодильник был в Хаммерсмите. А в Ливерпуле социальные работники помогали нам с то-

бой, когда я допоздна задерживался на работе. Там было что-то вроде яслей. Венди Как-Ее-Там работала в них и запомнила тебя.

– Вряд ли она проделала весь этот путь ради возможности снова повидаться со мной.

– Нет, мы пока не настолько знамениты. Она ехала с конференции в Аберистуите и заглянула узнать, как дела. Не более.

«Да ну конечно», – подумала Джинни, но вслух ничего не сказала. Просто вернулась в гостиную, достала учебники и принялась за последнюю домашнюю работу по французскому языку. Впереди маячил экзамен.

* * *

Французский занимал особое место в ее сердце, наравне с живописью. Джинни считала его своим родным языком – и языком своих родных. На нем говорила ее мать. Она умерла через неделю после родов, так что Джинни выучила французский не благодаря ей, но все равно очень им гордилась, как гордилась и матерью, и цветом кожи, и своим необычным происхождением. Ее отец был белым англичанином, мать приехала с Гаити, где говорили на французском и креольском, поэтому Джинни подошла к изучению языка с любовью и рвением: он будто принадлежал ей, как принадлежал валлийский остальным детям в школе. Она и валлий-

ский добросовестно учила, но он казался ломаным и чужим. Говоря на французском, Джинни чувствовала себя дома.

Поэтому заданные на дом упражнения она обычно выполняла с удовольствием, представляя мысленно день, когда будет знать язык идеально и отправится в Париж – изучать искусство или на Гаити – искать дальних родственников. Обычно, но не сегодня. Сегодня что-то было не так. Папа что-то недоговаривал.

Джинни смотрела вдаль, на песчаные дюны, тянувшиеся в полутора километрах от дома, и гадала, не мог ли кто-то пожаловаться на отца в социальную службу. Наверное, все дело в этом. Но кто, соседи? Мистер и миссис Прайс, начальник станции на пенсии и его жена-инвалид? Лакстоны, державшие домашнюю гостиницу? Конечно нет. Они хорошие люди. Глупо все это. Джинни вернулась к заданию, а до ее слуха с кухни, где готовил папа, доносились звуки радио, стук ножа по разделочной доске и шум закипающего чайника.

* * *

Папе Джинни принадлежал небольшой бизнес: он устанавливал компьютерные системы на фабриках и в офисах и обслуживал те, что уже были установлены. После того как мать Джинни умерла, он так и не женился. В свои тридцать семь он выглядел так, будто перенесся в наше время из другой эпохи: назвать его красивым было нельзя, но с возра-

том он приобрел шарм, который был присущ звездам кино тридцатых и сороковых годов. Он носил бороду и, если добавить к ней пеструю повязку на голову, золотую серьгу в ухе и зажатый в зубах кинжал, можно было бы хоть сейчас играть в «Пирате» вместе с Джином Келли. Джинни видела этот фильм по телевизору на Рождество.

Джинни с отцом были очень близки, почти как брат с сестрой, как равные. Он гордился ею – ее талантом, ее усердием. Она, в свою очередь, гордилась отцом: его энергичностью и привлекательностью. У него было множество девушек. Джинни привыкла считать их его компанией для завтрака, в детстве, спускаясь вниз утром, она то и дело заставляла на кухне странных женщин. Первое время она была уверена, что они приходят к завтраку. Потом поняла: они завтракают потому, что оставались на ночь, однако зачем именно, она не понимала, пока случайных девушек не сменила одна. Ее звали Холли, и она задержалась на полгода. Джинни, чувствуя, что нужно же иметь уважение, даже спросила, не собираются ли они с папой пожениться. Вскоре после этого Холли исчезла.

Ревности к ним Джинни не испытывала: отец всегда находил занятие и для нее. С одной из случайных спутниц он отправился на обед – и взял дочь с собой, чтобы та училась жизни. Для другой Джинни помогла выбрать подарок на день рождения. А еще они с папой постоянно обсуждали всех этих девушек: Анну, которая обожала тосты с беконом,

Терезу, которая почти ничего не ела, Мейр, которая в душе пела гимны.

Все они, конечно, были белыми. Джинни и не ожидала, что ее отец будет искать свою новую любовь среди темнокожих только потому, что такой была мама – в этой части Уэльса вообще непросто было найти людей с другим цветом кожи, – но когда обстоятельства начинали давить на нее, это было частью ее ноши. Ничего не менялось: она так и оставалась черной девочкой в мире белых, с тех самых пор, как ей впервые об этом напомнили. О, та считалочка про «эни-бени-жабу»... От одного воспоминания в груди Джинни разгоралась ярость. Но эта проблема не требовала срочного решения. Пока не требовала, но Джинни уже исполнилось шестнадцать и, хотя она считала себя симпатичной, и папа твердил то же самое, и подруги, но парни... Парни были трюсами. Ни один из них не решался выделиться из толпы и встретиться с темнокожей девчонкой. Джинни прекрасно это понимала. Ни один так и не позвал ее на свидание. Да если бы и позвал, все равно ничего бы не вышло, ведь они продолжали бы чувствовать себя не такими как все, это вечно примешивалось бы к их отношениям. Джинни удалось отогнать эту мысль, спрятать ее подальше, но она никуда не делась и дожидалась своего часа. Однажды эту проблему придется как-то решать.

– Ужин готов, – окликнул ее из кухни отец.

– Я не голодна, – тихо ответила она, но все равно села

за стол. И спросила, глядя поверх разделявшего их каре из ягненка и салата: – Зачем она приходила?

– Просто ехала мимо.

– Но к нам нельзя заехать по дороге из Аберистуита в Ливерпуль.

– Наверное, на выходные собиралась куда-то еще. Как знать? И какое нам дело?

– Мне она показалась глупой.

– Думаю, она это заметила.

– В каком смысле?

– Ты была не слишком тактична.

– Я?

– И смотрела на нее, как на ядовитую змею.

– Неправда...

– Впрочем, вряд ли это имеет значение. Не думаю, что она еще у нас появится.

– У нее было очень много документов. Они имеют какое-то отношение ко мне?

– Конечно нет. Салат доедать будешь?

* * *

Когда обед был закончен, Джинни помыла посуду, а потом ушла на улицу: вниз по дороге, ведущей к пляжу. Так уж получилось, что их дом – и два соседних – стоял на короткой улочке, которая вела от главной дороги прямо к морю.

По одну ее сторону перекатывались бесконечными волнами поросшие травой высокие холмы – еще не горы, но так похоже. По другую тянулось побережье, мир магии и красоты, царство, в котором Джинни чувствовала себя королевой.

Участок между главной дорогой и морем был примерно полтора километра в ширину и напоминал слоеный пирог: сразу за насыпью начиналось поле, ограниченное с одной стороны улицей, на которой стоял дом Джинни. За домом тянулось другое поле – его пересекала железная дорога, а после – еще поле, до самых песчаных дюн и прятавшегося за ними пляжа. По правую руку можно было найти парковку, маленький магазин и крошечную стоянку для трейлеров – из дома ее не было видно. Слева впадала в море речушка, которая брала начало в холмах несколькими километрами выше и мягко катила свои воды среди скал, чтобы здесь, внизу, разлиться и замедлиться, образуя лагуну. За ней тянулись дюны – далеко, до самого горизонта, где можно было разглядеть полоску аэродрома и изредка мелькавшие там серебряные крылья самолетов, поднимавшихся в воздух и исчезающих над морем. Весь этот мир – от взлетной полосы до стоянки для трейлеров, от главной дороги до края моря – принадлежал Джинни.

Во-первых, потому что она отлично знала эти места, за годы жизни здесь изучив каждый сантиметр этого слоеного пирога, этого маленького мирка на границе холмов и моря. Во-вторых, она рисовала его, целиком перенеся на холст: от

насекомых на каменных стенах, сложенных без раствора, до руин церкви, наполовину засыпанных песком, и маленького мостика, по которому железная дорога перебиралась через широкое устье реки. И наконец, он принадлежал ей потому, что Джинни его любила. Каждый, кто входил в этот мир, становился ее подданным, даже не зная об этом, и был обязан любить ее, незримо свидетельствуя свое почтение. В королевстве Джинни запрещены были неприятности: она отвечала за это и пресекала их на корню.

Вот и сейчас, спускаясь вниз по улице, она осматривала окружающий пейзаж, будто дозорный: округлые камни в древней кладке стен, покрытые мхом и серые от времени, стебли травы на поле, высохшие и порыжевшие из-за жары, задержавшейся на много недель, медное солнце, которое через час или два скроется наконец в морской пучине. Все на месте, все так, как должно.

На пляже было еще довольно многолюдно, хотя многие отдыхающие уже начали складывать засыпанные песком корзинки для пикника, мокрые полотенца и засаленные, масляные бутылочки со средством для загара, готовясь не спеша выдвигаться в сторону парковки. Джинни побрела по мягкому песку направо, к подтопленной приливом части берега, где в воде копошились дети, упорно пытавшиеся поймать крохотных прозрачных креветок, крабов и морских звезд. Все вокруг было залито мягким закатным светом, и море тихонько накатывало крошечными волнами на

покатый берег.

– Джинни!

Скорее театральный громкий шепот, чем оклик, так что голос сразу не узнать, но тут кто-то лениво поднял руку и помахал ей со склона дюны, поднимавшейся с правой стороны.

– Энди! Ты чего вернулся?

Она опустилась на колени подле него, расплывшись в широкой улыбке и слишком обрадованная его появлением, чтобы сделать что-то еще. Энди был на два года старше – это ужасно много, конечно, – бросил учебу в прошлом семестре и куда-то уехал. В школе, полной белых детей, он был единственным темнокожим. Вечно окутанный тайной, вечно окруженный флером очарования, Энди казался то ли существом из другого мира, то ли мошенником. Его кожа была гораздо темнее, чем у Джинни: его родные папа и мама оба были из Африки, но мальчика усыновила белая пара, жившая в городке километрах в двенадцати к югу. Это объединяло их – и Джинни, и Энди росли, чувствуя себя белыми, но оставаясь черными.

По-настоящему они начали общаться только в прошлом году, а потом Энди исчез. И теперь вот вернулся. Джинни от радости даже растерялась, не зная, что сказать.

– Как вообще дела? – спросил он, откидываясь на спину и закладывая руки за голову. – Нашла себе парня?

– Отстань, не нужен мне парень. Где ты был?

– В Бристоле. В кулинарном училище. Теперь все умею.

Майонез, вино, тушеное мясо. Открывать банки с сардинами. Все могу.

– Получается, учеба закончилась?

– Нет. Но я закончил. Может, вернусь когда-нибудь и еще чему-то поучусь, но пока мне предложили работу в «Замке».

– В замке? – переспросила Джинни. В маленьком городке в паре километров вверх по побережью, действительно, были руины какого-то замка, но вряд ли там кто-то работал.

– В отеле «Замок». На кухне. Будет отлично. Карлос, их шеф-повар, знает тысячу и один способ мошенничества и обмана... У меня будет трейлер, представляешь?

– Трейлер? Ты не дома жить будешь?

– Все сложно. Родители не знают, что я вернулся. Поэтому мы с Дафиддом Льюисом, тем парнем из гаража, собираемся вместе купить трейлер. Поставим его в поле старика Алстона, во-он там.

Джинни не была знакома с приемными родителями Энди, но, по слухам, они были пожилыми и строгими. Куда лучше будет, если он поселится сразу за дюнами. Джинни даже знала, о каком поле идет речь: оно принадлежало самому богатому человеку графства, владельцу заводов, магазинов садовых товаров и типографий. Ее отец выполнял для него какую-то работу. На том поле должны были построить дом, но дело шло медленно. Каждые несколько недель туда приезжали грузовики с досками, кирпичами, трубами. Потом они уезжали снова. К тому моменту, как на площадке появлялись

строители, половина материалов успевала куда-то деться. Но никого это, казалось, не беспокоило.

– А он знает? – спросила Джинни.

– Кто, старик Алстон? Нет, и не узнает. Эх, Джин, этим летом мы повеселимся, вот увидишь... Ого, ну-ка, берегись!

Он перекатился на живот, отвернувшись от пляжа, и снова пристроил голову на руки.

– В чем дело? – Джинни огляделась, пытаясь понять, от кого он прячется.

– Тот парень внизу, в кожаной куртке, – прошептал Энди. – С большим пузом.

По песку у основания дюны ковылял мужчина. Он был тучным, и кожаная куртка только добавляла ему объема, но внимание привлекало даже не это, а его голова. Она выглядела непропорционально большой, черты лица казались слишком грубыми, слишком крупными, как у великана, а губы, брови и редкие сальные волосы были одного и того же странного песочного цвета.

– Что он делает? – тихо спросил Энди.

– Остановился. Смотрит в другую сторону. Теперь идет наверх, к парковке. Все, ушел. Кто это?

– Джо Чикаго, – Энди снова перекатился на спину. – Бандит. Из Аберистуита.

Джинни рассмеялась. Надо же, бандит, да еще по имени Джо Чикаго, из Аберистуита. Но Энди покачал головой.

– Ничего смешного.

– И где же его банда?

– У него нет банды.

– Если ты бандит, у тебя должна быть банда!

– Может быть. Но у него нет. Он одиночка.

– И почему он охотится за тобой?

– Ну... – Энди пожал плечами, и Джинни впервые за годы знакомства увидела на его лице смущение. Это выражение настолько ему не подходило, что на мгновение ей показалось, будто Энди напуган. Но это же невозможно, верно? Энди ничего не боится.

И все прошло – словно облачко на секунду закрыло солнце и исчезло. Энди снова сел рядом с ней, как будто ничего и не случилось.

– Теперь скажи мне, – начал он, отряхивая колени, – не нужна ли тебе работа?

– На каникулах будет нужна. Не откажусь. А что за работа?

– В яхт-клубе. Энджи Лайм ищет кого-то, чтобы помогать на кухне, накрывать столы, и все такое. Я предложил свои услуги, но ты же знаешь, я человек занятой, да и нервничать мне нельзя. Вдруг переволнуюсь и умру.

Джинни подумала, что не родился еще человек, который с меньшей вероятностью умер бы от волнения, чем Энди, но промолчала.

– Ладно, – сказала она, – рисковать не стоит, конечно. Помощь нужна каждый день?

– По вечерам. С шести до восьми. Я тогда скажу ей, что ты согласна, да? Все равно потом туда заходить буду. Собираюсь всех тут обойти, собрать свою стаю, выдать каждому дозу Энди.

– Да, предупреди ее. Я потом тоже зайду. Здорово!

Яхт-клуб находился прямо в устье реки и не имел отношения к яхтам и клубам – это был ресторан. Но жители Уэльса славились своей изобретательностью в выборе названий. Энджи Лайм, например, была вовсе даже не Лайм. Ее мужа звали Гарри Уильямс, но так его никто не называл. Все звали его Гарри Лайм, как того парня из романа «Третий человек»¹. И жену прозвали соответственно. Яхт-клуб принадлежал им уже год или около того. Джинни с отцом заходили туда перекусить: ресторан был маленький, уютный и больше напоминал закусочную. Энджи отлично готовила. Работать там будет здорово. И здорово, что рядом будет Энди. В маленьком прибрежном королевстве Джинни все вдруг стало складываться замечательно, просто отлично, как и должно было быть. Последние загорающие потянулись по мягкому песку в сторону машин, волны тихо бились о берег, солнце тонуло за горизонтом в кроваво-красном небе.

¹ Роман Грэма Грина.

– Пап, помнишь Энди?

– Энди Эванса? Я его видел сегодня. Он болтал о чем-то в гараже с Дафиддом. А что?

– Он сказал, что в яхт-клубе нужна помощница на кухню, и я согласилась там поработать. По вечерам.

– Что, весь вечер? Мы же совсем не будем видеться.

Час был уже поздний. Папа лежал в гамаке под ночным небом, а из открытого окна лилась музыка Моцарта и свет, подсвечивавший снизу листья дерева. Он часто там лежал. Иногда даже спал там ночью. Иногда и Джинни присоединялась к нему: вытаскивала под звезды матрас и пуховое одеяло. Сегодня тоже можно было бы так сделать, но после визита Венди Стивенс между ними будто пролегла пропасть.

Джинни до предела откинула спинку шезлонга и села рядом с отцом, разглядывая крону дерева, казавшуюся светло-голубой на фоне черного бархата ночного неба.

– Это только с шести до восьми, – объяснила она.

– Тогда нормально. Ты сама-то этого хочешь?

– Ага. Поэтому и согласилась.

– Молодец. Сколько заплатят?

– Не знаю, мы еще не обсуждали.

– Цыплят будем позже считать?

– Наверное.

Так они и сидели вместе, в молчании, еще несколько минут. Запись Моцарта подошла к концу, пленка щелкнула, музыка стихла.

– Тебе бы плеер и наушники, – сказала Джинни. – Чтобы не вставать каждый раз и не переворачивать кассету.

– Мне и не нужно. Я просто попрошу тебя – очень вежливо, – и ты все сделаешь.

– Размечтался, – рассмеялась она, вставая.

– Конечно.

– Просто перевернуть?

– Нет. Поставь ноктюрны Шопена. В исполнении Рубинштейна.

Джинни зашла в дом, отыскала кассету и поставила в проигрыватель.

– И все же с наушниками было бы проще, – заметила она, возвращаясь к шезлонгу.

– Не хочу отключаться от окружающего мира. Хочу слышать музыку, которая мягко играет где-то на расстоянии, а вокруг царит ночь. Как будто она звучит из открытого окна большого дома на другой стороне озера.

– Ха! Ну ты и придумал, – фыркнула Джинни, хотя на самом деле этот образ ей очень понравился. Так легко было воссоздать его перед внутренним взором, написать, словно картину. Вот он обретает форму, и воображение работает так легко, обращаясь к сохранившимся в памяти изображениям зданий в классическом стиле, лужайкам перед ними. Бликам

света на темной воде. Людей она запоминала плохо, а вот вещи – легко. Стоит только подумать о предмете или месте, как их детальное изображение – текстуры, размеры, тени – возникают в ее голове. Джинни так много о себе не знала; не знала она и о том, насколько это редкий дар, хотя уже начинала, пожалуй, догадываться.

Теплая ночь обнимала ее, пока она лежала в волшебном круге света под старым деревом, а ноктюрны Шопена плыли в воздухе над воображаемым озером. Рядом в гамаке лежал отец, и в эти минуты она чувствовала себя невероятно богатой. В мире столько всего – и столько всего странного, но они с папой так хорошо понимают друг друга – и так будет отныне и вовеки веков.

2

Сестра Рианнон

Рианнон Калверт, лучшая подруга Джинни, зашла к ней в гости в первый день летних каникул и рассказала странную историю.

Она жила в городе в нескольких километрах вверх по побережью; ее родители держали кафе под названием «Дракон». Джинни они нравились. Мистер Калверт был человеком энергичным и эксцентричным, то и дело поддававшимся импульсивным увлечениям. Он то начинал заниматься парусным спортом, то учился играть на гитаре, вкладываясь в каждое занятие со всей возможной страстью на протяжении нескольких месяцев, а потом так же неожиданно его бросая. В противоположность ему миссис Калверт была дамой разумной и терпеливой. Джинни нравилось бывать у них, потому что это была настоящая семья, в которой были папа и мама. Рианнон – тщеславная, ленивая, добрая и смешная – тоже ей нравилась.

Был разгар дня, понедельник, папа уже ушел на работу, а Джинни и Рианнон отправились на пляж и попытались искупаться в прохладной воде, а потом некоторое время жарились в лучах обжигающего солнца, прежде чем медленно вернуться в дом и расположиться в саду.

Рианнон устроилась в гамаке, ее длинные темные волосы шелковым водопадом спускались через его край. Джинни не раз пыталась нарисовать подругу, но так и не смогла передать на бумаге ее мягкую и ленивую грацию. Для этого, наверное, надо быть кем-то вроде Эдварда Бёрн-Джонса (Джинни только что прочитала о нем в книге о прерафаэлитях). Сама она предпочитала Пикассо и Ван-Гога. Вот только и они тоже не смогли бы нарисовать Рианнон. Что ж, нужно продолжать попытки.

Они лежали под деревом и вели ленивую беседу, как вдруг Рианнон воскликнула:

– Слушай! Я только что вспомнила, о чем хотела тебе рассказать. Мне вчера сестра звонила.

– Сестра? Я даже не знала, что у тебя есть сестра! – удивилась Джинни. Ей всегда казалось, что Рианнон, как и сама она, – единственный ребенок в семье.

– Ну да, просто родители никогда о ней не говорят. Она намного старше меня, ей двадцать шесть или что-то вроде того. И она ушла из дома, точнее, ее, по-моему, выгнали. Я была маленькой, когда она сильно поссорилась с родителями. Они ужасно ругались. Не знаю, в чем была причина, но с тех пор о моей сестре дома и не вспоминают...

– Ничего себе, – пробормотала Джинни, пытаясь представить, что же это за ссора должна была быть такая. – А как ее зовут? И почему она звонила?

– Ее зовут Хелен. И между прочим, она звонила, чтобы

спросить о тебе.

Джинни даже села ровнее, пытаясь разглядеть лицо Рианнон и понять, не шутит ли она. Но та развалилась в гамаке, свесив руку и теребя пальцами стебли сухой травы внизу и щурясь из-под ресниц на подсвеченную солнцем листву. Почувствовав взгляд подруги, она повернулась к Джинни.

– Честное слово! Мама сняла трубку, но не узнала голос Хелен. Ничего удивительного, по-моему. И заглянула в гостиную, чтобы позвать меня к телефону. Ну, и я подошла и закрыла за собой дверь. Думала, это Питер, он обещал позвонить. И тут слышу в трубке незнакомый женский голос. «Слушай, – говорит она, – постарайся не удивляться, я не хочу, чтобы родители знали, кто звонил. Это Хелен, твоя сестра». Боже мой, я даже не сразу сообразила, что ответить. Ощущение было такое, будто мне с того света звонят. Я спросила: «Где ты?» Она сказала, что дома, в Портафоне.

Портафон находился километрах в тридцати вверх по побережью. Теперь Джинни сидела очень прямо, устремив на Рианнон сияющие глаза.

– И ты даже не знала, что она там живет?

– Говорю тебе, мы вообще о ней не говорим. Я даже не знала, жива ли она. Хелен дала мне свой адрес: дом 12 на Юбилейной аллее. И еще она замужем. Ее мужа зовут Бенни как-его-там... Мередит, что ли. Продает пластиковые окна. А она работает в архитектурном бюро. Детей у них нет. Хелен мне много чего еще рассказала, мне показалось, она

очень милая и дружелюбная. Даже сложно было поверить, с кем я разговариваю. И она постоянно спрашивала: «Они точно нас не подслушивают? Точно не слышат?» Как будто боялась.

– Боялась? Мне трудно представить, чтобы кто-то боялся твоих папу и маму. Ну а обо мне она что сказала?

– Точно! Я как раз к этому веду. Она спросила, в каком я классе, я ответила, и тогда она поинтересовалась, знаю ли я девочку по имени Джинни Говард. Я сказала, что знаю, а она спросила... – Рианнон на мгновение умолкла, то ли устраниваясь поудобнее, то ли стараясь не смотреть Джинни в глаза. – Она просила, не приемная ли ты?

– Что?

– Это она так сказала. Я ответила: «Нет! Конечно, нет». И рассказала ей то, что ты мне рассказывала, про твою маму и все прочее...

– Но почему она вообще этим интересовалась? – удивилась Джинни. – И откуда узнала обо мне?

– Я ее тоже об этом спросила. Хелен объяснила, что виделась с твоим отцом. И ей стало любопытно. Может, твой папа ей понравился. Слушай, а ведь если она уйдет к нему от своего мужа, тебе придется называть меня тетей.

Джинни улыбнулась, хотя все это вызвало в ее душе сложные чувства. Кто-то, наверное, нашел бы в этой истории источник для гордости – кто-то, уверенный в себе. Мы ведь часто расспрашиваем о людях, которых находим привлека-

тельными или интересными. Рианнон точно гордилась бы таким вниманием. Но Джинни почудилась угроза.

Тут она поняла, что подруга еще не закончила. Подняв глаза, Джинни увидела на ее щеках румянец смущения.

– Понимаешь, потом она спросила... – Рианнон умолкла. – Спросила странную вещь, ты мне и не поверишь. Она спросила, правда ли, что твой папа сидел в тюрьме.

Теперь Джинни окончательно растерялась. Она поняла, что даже рот открыла от удивления, и даже подумала: «Ну надо же, оказывается, в таких ситуациях и правда челюсть отвисает», но так и не нашлась, что сказать.

– Я ей, разумеется, сказала, что это глупость какая-то, – продолжала Рианнон, – а она ответила, что так и думала, и это не слишком похоже на правду. Что-то такое. И я спросила, с чего она вообще это взяла, но Хелен сказала только, будто слышала что-то такое в городе. А потом пришла мама, и мне пришлось попроситься.

– В тюрьме? – повторила Джинни. – Ерунда. За что? Что он мог такого сделать?

– Не знаю! И Хелен не знала. Просто услышала и решила выяснить подробности. Наверное, какая-то ошибка. Ой, и еще! Папа спрашивает, не нужна ли тебе работа. Только по утрам: кофе варить и столы накрывать к обеду.

– Что-то все сразу решили мне работу предложить.

– А кто еще?

– Яхт-клуб. Энди вернулся, ты знала? Энди Эванс. Он мне

и рассказал. Буду работать там по вечерам.

– Только папе не говори. Он думает, Гарри Лайм пытается увести наших клиентов. Ну знаешь, как ему иногда взбредет что-то в голову... Мама считает это безумием, потому что у нас совершенно разные посетители, а Энджи Лайм и правда отлично готовит. Значит, будешь работать в «Драконе»? Там ничего сложного.

– Ага. Скажи ему, что я согласна. И спасибо. Когда приступать?

– Если хочешь, можно прямо завтра.

– Здорово. Рианнон, слушай, а твоя сестра еще будет звонить?

– Не знаю. Может быть. Я бы хотела с ней встретиться, но страшновато, понимаешь?

– Я тоже хотела бы с ней встретиться.

– Ой, но я вообще не должна была тебе все это рассказывать. Она так и сказала: «Не говори Джинни». Поэтому...

– Но я хочу понять, почему она спрашивала обо всем этом! Не у папы же узнавать!

– Конечно нет. Забудь. Не обращай внимания.

* * *

Не обращать внимания?

Не получится. В тот вечер, уже после ухода Рианнон, когда отец вернулся с работы, Джинни посмотрела на него дру-

гими глазами. Пытаясь представить его преступником. У нее не вышло; не было такого преступления, которое он смог бы совершить. А потом, в первый раз за неделю, она вспомнила о визите Венди Стивенс, сотрудницы социальной службы, и о том, как эта гостья заставила ее волноваться. В этом контексте сложно было не обращать внимания на странные разговоры о том, что ее отец сидел в тюрьме.

В тот вечер началась ее работа в яхт-клубе, поэтому они с отцом не смогли поужинать вместе. Джинни сказала, что перекусит, когда вернется, и вышла на улицу. Повернула возле парковки налево и оказалась на поле, усеянном колючими кустиками дрока и песчаного тростника, тут и там попадались небольшие впадины, похожие на лунки для гольфа. Поле тянулось до самого устья реки, где в маленькой гавани у железнодорожной станции приютился яхт-клуб. Вечер был жаркий, солнце заливало светом покатые холмы за главной дорогой, а безоблачное небо над ними казалось ярко-голубым. Ленивые толстые лохматые овцы, заведя ее, неспешно отходили в сторону. Теплые огни гавани, тишина... Таким было ее королевство. Здесь Джинни была дома.

Гарри Лайм, обладатель голубых глаз и длинных ресниц, был молод, невысок и коренаст. Они с Энджи были амбициозны и мечтали, что их ресторан станет знаменит. Но это не мешало им веселиться и быть дружелюбными. Ростом Энджи была под стать мужу, но смешило ее другое. Она была остроумнее Гарри, циничнее и практичнее. И отвечала за

порядок на кухне, пока Гарри занимался залом. У них работали двое студентов, которые обслуживали столы, пожилая посудомойщица и девочка по имени Гвен, помогавшая Энджи на кухне. Джинни должна была накрывать столы, складывать салфетки, следить, чтобы сырны тарелки и плоски с печеньем регулярно обновлялись, посыпать блюда зеленым луком и стружкой сельдерея, приносить соль и перец и выполнять любые поручения Гарри и Энджи. Джинни очень быстро поняла, что эта работа ей по душе. Ей нравилась атмосфера на кухне: здесь было чисто и жарко, кипели работа и энергия, и кто-нибудь непременно то от души ругался, то вдруг затягивал песню. Ей нравились оба обеденных зала: главный – просторный и прохладный, окна которого выходили на яхты, реку и маленький деревянный железнодорожный мост, и малый, где находился бар, вечно утопающий в клубах дыма. Гарри метался между ними, демонстрируя широкую улыбку и отсутствие зуба, машинально забрасывая в рот одну оливку за другой и постоянно подтягивая норовившие сползти брюки.

* * *

Спустя полчаса Джинни настолько освоилась, что смогла рассказать Гарри и Энджи, что собирается работать и в «Дракон» тоже.

– Этот чудак Калверт настоящий псих, – заметил Гарри. –

Тебе так не кажется, дорогая?

– Если и не был до того, как ты начал всем об этом твердить, то теперь точно стал, – ответила Энджи, помешивая какой-то соус.

– Да перестань! Ты бы слышала, что он говорит о нашем ресторане. Клянусь, это очень обидно. И знаешь, что я видел у него в кафе пару дней назад? Я просто мимо шел и заглянул в окно, а там все стены картинами увешаны!

Мистер Калверт увлекся живописью совсем недавно. Джинни решила заступиться за него, хотя считала, что его картины просто чудовищны.

– Он их сам рисует, – сказала она. – Они...

– Сам?! – поразился Гарри. – Он рисует картины и вешает их в своем кафе?

– Он их так продает, – объяснила Джинни. – На каждой есть ценник.

– Что? Серьезно, продает? Разве они хорошие?

– Ну...

– Не смей мне врать, – предупредила Энджи. – Я сразу замечу.

– И сколько он за них просит? – не унимался Гарри.

– Обычно, фунтов сорок или пятьдесят.

Джинни нарезала багеты и раскладывала ломтики в маленькие хлебные корзинки. Гарри задумчиво взял один и принялся отщипывать от него кусочки, явно поглощенный мыслями о картинах мистера Калверта.

– И что, кто-то покупает? – спросил он, закидывая хлеб в рот.

– Не знаю. Завтра спрошу.

– Ты только посмотри на себя! Ну и поросенок, – вмешалась Энджи, обращаясь к мужу. – Весь в крошках. Уходи отсюда и займись делом! Давай же!

Подмигнув Джинни и отправив в рот еще кусочек хлеба, Гарри Лайм ушел с кухни, забыв лимон, за которым приходил. Энджи заметила его на столе и попросила Джинни отнести лимон в бар.

– Вот балбес! Он и штаны свои забудет, если их к нему не пришить.

Когда Джинни вернулась, в кухне был кое-кто еще. Он сидел за столом и быстрыми, аккуратными движениями нарезал морковь на маленькие, размером со спичечную головку, кусочки.

– Энди! – радостно воскликнула она. – Ты что здесь делаешь? Неужели уволился из «Замка»?

– Получил отставку. Ничего страшного, все справедливо. Я был следующим в списке. Передай тарелку.

– В каком списке? – Джинни села рядом и стала заполнять мельнички для соли и перца.

– Карлос, шеф-повар, увольняет людей в определенной последовательности: кто раньше пришел, раньше и вылетает. Иногда его мошеннические схемы раскрывают, и тогда он ищет виноватых. Тех, кто будет наказан. Боже, видела бы

ты нас вчера вечером. Мы все собрались, а он приготовил глинтвейн...

– Глинтвейн *летом*? – удивилась Энджи.

– Что такое глинтвейн? – спросила Джинни.

– Вино со специями. Подогреваешь, добавляешь корицу, гвоздику и прочее и пьешь после катания на лыжах. Я знаю, для лета этот напиток не подходит, но Карлос же ненормальный. Совершенно чокнутый. Отправил меня в бар за портвейном, чтобы, как он говорит, «сделать покрепче». А в бар пришлось идти потому, что босс поставил новый замок на винный погреб, и Карлос еще не подобрал ключи, но дай время – подберет. Ну так вот, иду я в бар, а там Барри, пьяный в дымину, дает мне вместо портвейна бренди. «Бренди для моего доброго друга Карлоса, – так и сказал. – Отнеси ему бренди». Я и принес. Карлос взял бутылку и говорит: «Смотрите, парни, отличный валлийский портвейн. Сейчас согреем вас изнутри». А мы, надо сказать, к тому моменту и так уже неплохо разогрелись, пот с нас в три ручья лил. В общем, разливает он спиртное – мне кажется, это был «Реми Мартин» или что-то такое же приятное, – снимает с газовой горелки кочергу... и сует ее внутрь. Кочерга, понятно, раскалиена докрасна, поэтому как только она касается напитка – вжух! Пары вспыхивают. Пламя аж до потолка, у Карлоса брови сгорели, официанты визжат от ужаса... И тут входит наш босс. «Что происходит? О, великий боже! Боже! Что случилось?» – спрашивает он, и тут Карлос тычет в мою сто-

рону кочергой. И говорит: «Ох уж этот персонал, им бы только развлекаться. Ладно еще пока ножи глотали, хотя и это плохо, но теперь они огнем плюются». «Вон! – кричит, конечно, босс. – Пошел вон!»

– Удивительно, что их ресторан вообще еще существует, – заметила Энджи.

– Такая вот история, – подытожил Энди. – Но было весело. Карлос дал мне с собой половину копченого лосося. Пришлось ее к ноге привязать, чтобы вынести мимо швейцара. Мы с Дафиддом теперь только им и питаемся – и еще фасолью. В среду перевезем трейлер на пляж. Заходи.

– Зайду, – пообещала Джинни.

Последние лучи заходящего солнца били в открытую дверь, кухня тонула в их золотистых отблесках, и все было замечательно. Энди вернулся, значит, все хорошо.

Утром, помогая в «Драконе», Джинни присмотрелась к работам мистера Калверта. Он обожал научную фантастику, и это нашло отражение в сюжетах его картин: на них были изображены женщины в бронзовых корсетах, сражавшиеся с гигантскими зелеными ящерицами, или закаты на Юпитере, отличительной особенностью которых были длинные грязно-фиолетовые тени, протянувшиеся в совершенно неправильном направлении. Цвета были такими яркими и неуместными, что Джинни неприятно было даже просто смотреть на них. К тому же по опыту она прекрасно зна-

ла: рисовать людей непросто, но, если *как следует* присмотреться и *как следует* попытаться, рано или поздно ты поймешь устройство человеческого тела. Однако картины мистера Калверта доказывали обратное. При этом все они носили гордые названия вроде «Космическая академия» или «Восход Драконов». Джинни и монетки бы за них пожалела, но на картинах были небольшие ценники: 40 фунтов, 50 фунтов...

Мистер Калверт ей нравился, поэтому приходилось притворяться, будто ей нравятся и его работы.

Впрочем, в тот день у нее на уме было совершенно другое, кое-что, о чем не следовало рассказывать Рианнон. Смена заканчивалась в полдень, и Джинни тут же убежала из ресторана и спустилась по склону холма к станции. Времени оставалось как раз достаточно, чтобы успеть на дневной поезд до Портафона.

Без четверти час она уже была на месте. Вокзал находился рядом с гаванью, где когда-то сновали рабочие, разгружая груз сланца с кораблей. Теперь тут сновали дорогие прогулочные яхты. Побродив немного вокруг, Джинни присела на швартовую тумбу, чтобы съесть жаренную картошку и яблоко, а потом отправилась на поиски Юбилейной аллеи.

Она не слишком хорошо представляла, о чем будет говорить с сестрой Рианнон. И не знала даже, хочет ли вообще этого разговора. Сердце колотилось как перед выходом на сцену, то и дело накатывало беспокойство. Отыскав на мо-

щенной сланцевыми плитками аллее нужный дом, Джинни прошла мимо – до конца улицы, прежде чем смогла собраться с духом.

Вернувшись, она позвонила в звонок. Узкий садик перед домом выглядел очень ухоженным, дорожку обрамляли кустики яркой герани. На окнах – в отличие от остальных домов на этой улице, – не было занавесок, видно было, что и внутри все такое же аккуратное и ухоженное.

Дверь открылась. На пороге показалась женщина. Она прищурилась от яркого солнечного света, прикрыла рукой глаза и тут же удивленно отшатнулась.

– Вы миссис Мередит? – спросила Джинни. – Сестра Риннон?

Хелен Мередит выдохнула и провела рукой по темным волосам. Джинни она узнала и теперь явно была потрясена.

– Заходи, – сказала она, наконец, отступая в узкий коридор. – Итак... Ты Джинни, верно? Боже, прости за мое... Просто я очень удивилась, только и всего. Она тебе рассказывала, да?

– Она моя подруга.

Джинни шагнула в дом, и Хелен закрыла за ней дверь. Наступило неловкое молчание, потом они обе заговорили одновременно. Джинни сказала:

– Простите, говорите вы.

– Я хотела предложить тебе кофе или еще чего-нибудь.

– Спасибо! Да, я бы...

Она прошла за Хелен на маленькую кухню и села на стул, пока та доливала воду в чайник и доставала чашки. Тут тоже все было чистым и аккуратным, как новое. Когда-то Джинни думала, что у других людей все просто более новое, чем у них с папой: новые ковры, новые занавески, новая мебель. Потом она поняла: другие люди просто чаще убирают. «Но ведь у нас есть занятия поинтереснее уборки», – сказал папа, когда она поделилась с ним своими наблюдениями.

– Я ведь просила ничего тебе не рассказывать, – сказала Хелен Мередит. – Теперь мне стыдно.

Она села напротив Джинни за маленький столик для завтрака. Теперь видно было, как сильно она покраснела от смущения. Однако ни увильнуть, ни отвести взгляда не попыталась.

– Что именно сказала тебе Рианнон?

– Что вы встречались с моим отцом и хотели узнать, не удочерил ли он меня.

Хелен Мередит кивнула.

– Мне просто стало любопытно, – объяснила она. – Прости.

– А вы не спросили об этом моего отца?

– Нет. Даже не знаю, почему. И... Я подумала, нам с Рианнон пора снова начать общаться. А тут и повод появился. Не знаю...

Чайник закипел, и она встала, чтобы сделать кофе.

– Кстати, называть меня миссис Мередит необязательно.

Я Хелен, – сказала она, не оборачиваясь.

– Ладно, – кивнула Джинни, думая о том, насколько непохожа Хелен на свою сестру. Она понятнее и ярче и, возможно, в чем-то сильнее.

Пока та не обернулась, Джинни продолжила:

– Еще Рианнон сказала, вы спрашивали, не сидел ли мой отец в тюрьме.

– О боже.

Хелен принесла и поставила на стол чашки. Ее лицо отражало глубочайшее смущение и стало уже совершенно красным. Джинни еще ни разу не видела, чтобы взрослому человеку было так стыдно.

– Я не хотела, чтобы она тебе рассказывала, – повторила Хелен. – Я пожалела сразу, как только спросила. Так глупо. Ты ведь ему это не передала, правда?

– Конечно, нет! Он даже не знает, что я сюда поехала. И вообще ничего обо всем этом не знает.

– Хорошо. Прости меня. Не нужно было слушать...

– Слушать кого?

– Одного человека... Мой муж с ним знаком. Он говорит, что твой отец сидел в тюрьме. Наверное, какая-то ошибка.

– Но... что он мог такого сделать, чтобы его посадили?

– Не знаю, – Хелен выглядела очень несчастной. – Возможно... я же говорю, какая-то ошибка.

Несколько секунд Джинни просто наблюдала за ней. Хелен крутила в пальцах чайную ложечку, медленно поворачи-

вая ее, как стрелку часов, и даже не прикоснулась к своему кофе.

– Вы ведь знакомы с папой, – сказала наконец Джинни, – и можете у него спросить?

– Не могу. Пока нет. Мы еще недостаточно хорошо знакомы. Может, я и не стану спрашивать. Просто... Нет.

– А ваш муж знает?

– Бенни? Его никогда нет дома. Он и не узнает, – Хелен сделала глоток из чашки. – Расскажи мне, кто была твоя мама.

Слово «мама» она произнесла с валлийским акцентом, и Джинни это понравилось. Звучало похоже на французское «маман».

– Она приехала с Гаити. Училась в художественной школе, встретила моего отца, они полюбили друг друга и поженились. Потом родилась я, а мама заболела гепатитом и умерла. Это все, что я знаю. Ее звали Аннель. Аннель Батист в девичестве.

– Так ты ее совсем не знала?

– Нет. Но у меня есть фотография.

– Откуда, говоришь, она приехала?

– Гаити. Где зомби. Зомби и вуду. Она знала французский и креольский. Но я креольского не знаю, не у кого было научиться.

– И ты ни разу там не была? Не встречалась с ее семьей?

– Это и моя семья, – уточнила Джинни. – Но нет. Ни разу.

Мне кажется, у них с папой нет ничего общего.

– Есть – ты.

– Разве что... По-моему, папа так и не смог с ними поладить. Они просто... По правде говоря, я о них ничего не знаю.

А так хотелось бы. Но на все вопросы папа говорил только, что мамина семья богата и живет в Порт-о-Пренс – это столица Гаити. Больше он ничего не знал и сам.

– Мы мало говорим о ней, – призналась Джинни. – В основном держимся друг друга.

Они посидели в тишине еще немного, и это оказалось проще, чем могла бы предположить Джинни. Потом Хелен рассказала немного о себе, о том, как из-за парня поругалась с отцом, и все вышло из-под контроля, как они наговорили друг другу такого, чего даже не думали, и как тяжело было сделать первый шаг навстречу. Уходя домой, Джинни думала о том, насколько приятной оказалась Хелен и как повезло Рианнон иметь такую сестру. Но семья вообще странная штука. Это надо же было так сильно поругаться.

3

Передвижной дом

Все воскресенье Джинни сгорала от нетерпения: нужно было позвонить Рианнон и рассказать ей о встрече с Хелен, но папа все сидел и сидел дома. Утро он провел на диване с газетой, но днем решил, наконец, прогуляться и посмотреть еще раз на лодку, которую подумывал купить. Джинни тут же бросилась к телефону.

– Рианнон, это ты? Ни за что не поверишь, но я виделась с твоей сестрой!

– Что? Когда?

– Вчера. Честное слово, она очень классная и очень милая... Ее мужа не было дома, она была одна. То, что она про папу спрашивала... оказалось, это просто какой-то слух, друг ее мужа говорил об этом. Ошибка, наверное. Но я должна была поехать, никак не могла удержаться...

Казалось, Рианнон не слишком порадовала эта история. Как будто Хелен украли у нее. Или просто ее родители были где-то рядом, а потому спокойно поговорить не получилось. Нельзя было показать волнения. «И мне нужно вести себя тактично», – подумала Джинни.

Впрочем, уже на следующий день, в «Драконе», они смогли как следует все обсудить, и почти целое утро сосредото-

ченно беседовали то у кофемашины, то за барной стойкой, анализируя впечатления Джинни, слова Хелен, то, как выглядел дом и его хозяйка. И реакцию Джинни на ее рассказ.

– Ты должна сама поехать и встретиться с ней, – убеждала Джинни подругу. – Хелен очень дружелюбная. Честное слово, она тебе понравится.

Но придется подождать до следующих выходных. Тогда, может, удастся съездить к Хелен вместе. Однако Джинни быстро одернула себя: нужно проявить больше такта. Пускай в первый раз Рианнон встретится с сестрой сама. Эта идея показалась ей очень благородной; Джинни с удовольствием бы рассказала о ней Рианнон, чтобы получить похвалу, но это бы все испортило. Поймав себя на этих рассуждениях, она даже рассмеялась.

* * *

В среду днем Джинни отправилась на пляж, чтобы помочь Энди разобраться с трейлером, который он упорно продолжал называть передвижным домом.

Было даже жарче, чем обычно. Парковка оказалась забита, к магазинчику с мороженым выстроилась целая очередь детей. Его держали две старушки, и купить там можно было не только мороженое, но и открытки, и чашку чая. Открытки – по крайней мере те, что сверху – выцвели на солнце, но никто не спешил избавиться от них. Предполагалось, что

благодаря этому остальные карточки в стопке смогут избежать той же участи, однако на деле бумага на них была поцарапана, уголки загнуты и тут и там виднелись пятна, оставленные проржавевшей на соленом воздухе подставкой. Сами хозяйки магазина напоминали вышедших на пенсию монахинь. Чай они продавали не в пластиковых стаканчиках, а в настоящих чашках, которые приносили на подносе. Иногда покупатели забывали вернуть чашки, и тогда эти почтенные старые леди прочесывали в закатном свете пляж, мелодично переговариваясь и являя собой воплощение тихого нрава и меланхолии.

Джинни сидела на стене возле парковки и высматривала Энди и Дафидда, мальчишку, который собирался стать его соседом по трейлеру. Предположить, на чем именно они приедут, было решительно невозможно: Дафидд работал в гараже на главной улице и за время знакомства Джинни видела его за рулем как минимум двадцати древних развалюх. Но когда на дороге появилась-таки машина с трейлером на прицепе, она не обратила на нее внимания. Вряд ли Дафидд приехал бы на БМВ.

Но машина остановилась прямо напротив нее; Энди, занимавший пассажирское сиденье, расплылся в улыбке. Джинни даже подскочила от неожиданности.

– Что ты делаешь в БМВ? – спросила она. – Не Дафидд же...

Энди выпрыгнул на дорогу.

– Познакомься, это Стюарт, – сказал он. – Я нашел другого водителя. Всегда полезно иметь кого-то на замену.

Стюарт потянулся через сиденье к окну и протянул ей руку. Джинни оторопела: перед ней был мужчина лет тридцати, красивый до невозможности – как модель или кинозвезда. Ее тут же одолело смущение, слова куда-то улетучились. Энди, однако, чувствовал себя прекрасно.

– А теперь, дорогой водитель, нам придется сдать назад, – сказал он. – Метров на шестьдесят примерно.

Позади них уже стояло три машины, которым некуда было деться на узкой дороге. Стюарт включил заднюю передачу и попытался сдать обратно, но в очереди никто и не шелохнулся. Энди пошел поговорить с водителем первой машины. Джинни гадала, почему Стюарт просто не проедет оставшиеся до парковки тридцать метров и не развернется там, но они с Энди явно затеяли какую-то игру, и ей хотелось посмотреть, во что это выльется.

Тем временем Энди никак не мог убедить в своей правоте первого водителя, мужчину с каменным лицом и полной машиной детей.

– И что я, по-твоему, должен сделать? Взлететь, что ли? – раздраженно спрашивал он.

– Нет, конечно нет, но вы могли бы съехать на поле. Смотрите, – Энди в порыве притворной помощи распахнул ворота в стене за своей спиной.

– Почему бы на поле не съехать вам? – прорычал води-

тель. Ему, очевидно, тоже было невдомек, что Стюарт может просто уехать на парковку. Энди с озадаченным видом почесал в затылке.

– Ну я не знаю, – потянул он. – Радиус поворота у нас так себе. Спрошу у водителя. Карратерс!

Стюарт вышел из машины.

– Что-то не так, сэр? – осведомился он.

– Если этот добрейший джентльмен немного сдаст назад, сможем ли мы развернуться и протащить передвижной дом через эти ворота?

Джинни то и дело разбирал смех: настолько велик был контраст между потрясающе красивым Стюартом и его сияющим БМВ и потрепанным старым трейлером и таким же неопрятным видом Энди, который то и дело с совершенно невинным лицом принимался изображать, будто ковыряется в носу. К этому моменту позади трейлера собралось уже пять машин, и все они должны были сдать по меньшей мере на тридцать метров назад, чтобы пропустить к воротам огромный БМВ. Естественно, доехав туда, он не смог проехать дальше: как бы искусно Стюарт ни маневрировал, трейлер оказался слишком широк, чтобы пройти в ворота. Энди метался вокруг в притворном стремлении помочь. В какой-то момент он исчез в трейлере, чтобы вернуться с тридцатисантиметровой линейкой и начать измерять его ширину проема. Из первой машины донесся возмущенный вопль. Пассажиры начали выходить на дорогу с пляжными полотенцами, на-

дувными мячами и корзинками для пикника; водители оставались ждать, пока ситуация разрешится. Стюарт с энтузиазмом выполнял все указания Энди. А Джинни, сидя на стене, покатывалась со смеху, наблюдая за ними.

– Почему бы вам не доехать до чертовой парковки и не развернуться там? – крикнул один из водителей.

– Тут должен быть какой-то подвох, – заметил Энди. – Как думаешь, Джин? Слишком уж простой это выход.

– Сделай, как он говорит, – посоветовала она.

Стюарт кивнул, БМВ рванулся вперед. Дверца трейлера немедленно с грохотом распахнулась, и оттуда вылетела пластиковая корзина. Энди остановился посреди дороги и глубокомысленно кивнул:

– Видишь. Говорил же, из этой ситуации есть выход.

Водитель первой машины нажал на гудок, и Энди отскочил в сторону вместе с корзиной. Все собравшиеся автомобили последовали за Стюартом, причем из каждой на Энди кто-то ворчал или хмурил брови – а тот так и стоял посреди дороги со своей корзиной, будто собирал пожертвования. Не прошло и минуты, как Стюарт развернулся и снова прибыл в ту же точку, теперь уже направляясь в другую сторону. Остановившись возле Энди и Джинни, он подождал, пока они заберутся внутрь, и спросил:

– Куда дальше?

– Вверх к железнодорожному посту, – скомандовал Энди. – Нам здесь все равно на луг старика Алстона не заехать.

– Так зачем вы вообще сюда ехали? – не удержалась Джинни.

– Тебя забрать, – ответил Стюарт.

Энди сел назад, а Джинни досталось место рядом с водителем и, взглянув на Стюарта, она снова почувствовала прилив робости. Конечно, он актер, нельзя же быть таким красивым и при этом не прославиться своей красотой. Да и образ его соответствовал машине: темные выующиеся волосы, ярко-голубые глаза, дорогая роскошная одежда – мягкие сливочного цвета брюки и темно-синяя рубашка-поло. Босые ноги уверенно касались педалей.

– Чем занимаешься, Джинни? – спросил он, ловко обгоняя другую машину.

– Учусь в школе. Ничего особенного. А ты?

– Я плейбой.

– Помнишь тот дом у яхт-клуба? – вмешался с заднего сиденья Энди. – Тот, на сваях? Стюарт его снимает сейчас.

– Обожаю этот дом!

– Значит, ты его помнишь? – переспросил Стюарт.

– Я его видела, но внутри не была.

– Тогда заходи как-нибудь.

Одноэтажный деревянный домик, о котором шла речь, очертаниями напоминал лодку: плоскую крышу опоясывали перильца, окнами служили иллюминаторы. Когда начинался прилив, он оставался над водой благодаря сваям, к месту, где обычно была привязана лодка, спускался пролет лестницы.

Джинни была влюблена в этот дом с тех самых пор, как впервые его увидела, но не знала, кто там живет. Теперь Стюарт вступил на территорию ее королевства, и меньшее, что она могла сделать, это нанести ему визит вежливости.

– Нам сюда? – спросил Стюарт, поворачивая во двор магазинчика у железнодорожного моста. Им пришлось немного подождать, пока Энди откроет расположенные рядом ворота. По клочковатой траве машина проехала в самый дальний угол поля. Там трейлер скрыла живая изгородь. В центре высилась пустая оболочка недостроенного дома мистера Алстона, возле которой громоздились мешки с кирпичом и стояла бетономешалка.

– Куда поставим трейлер? – уточнил Стюарт.

– Да вот прямо тут.

Они выбрались из машины, и Энди принялся возиться с опорами трейлера.

– Можно я пока внутрь загляну? – спросила Джинни.

– Ни в чем себе не отказывай, – кивнул Энди. – И чайник поставь. Выпьем кофе.

Внутри трейлер выглядел еще хуже, чем снаружи: грязный, обшарпанный, с дырами в обшивке, пожелтевшим куском скотча на разбитом окне и сломанной задвижкой, которая совершенно не держала дверцу буфета. На двухэтажной кровати лежали поролоновые матрасы, на полу – пара спальных мешков и груда грязной одежды.

Отыскав чайник, пластиковую тару с водой и спички,

Джинни зажгла маленькую газовую плиту и придерживала чайник, чтобы тот не свалился: трейлер весь трясся и раскачивался, пока Энди и Стюарт устанавливали его на опоры. Когда вода закипела, она нашла несколько относительно чистых чашек и сделала кофе. Молока, конечно, не нашлось, как, впрочем, и сахара. Стоило открыть дверцу маленького кухонного буфета, как оттуда потянуло сильным рыбным духом. Джинни поморщилась и отступила назад, прежде, чем присмотреться. Внутри лежал большой розовый кусок рыбы.

– Что у тебя в шкафу?! – спросила она, вынося на улицу две чашки кофе. Энди и Стюарт сидели на ступеньках, и им пришлось подвинуться, чтобы она могла поместиться посередине.

– Так это же мой копченый лосось! – ответил Энди. – Нам бы его сегодня доесть, а то запах слишком уж ядреный. Хочешь кусочек?

Джинни скривилась.

– И кофе не будешь? – спросил Стюарт.

– Я видела, в каком состоянии были чашки.

Он с подозрением покосился на свою, но все равно сделал глоток.

– А кем ты работаешь на самом деле? – спросила она Стюарта. – Ты же ведь не плеббой? Я вообще не думаю, что они существуют.

– Еще как существуют, – ответил Стюарт. – Играют в поло и в карты, ездят кататься на лыжах и катерах, ведут шикар-

ную жизнь.

– Но не у нас же.

– Нет, я просто в отпуске, – рассмеялся он в ответ. – Знаешь, жизнь, полная удовольствий, изрядно выматывает. Нет, ты права, на самом деле я антрополог.

– Кто? Ты едешь по джунглям, что ли?

– Стараюсь не ездить. Я изучаю религию, магию, колдовство. В этом году побывал в Бразилии. Удивительная страна.

– А на Гаити ты был?

– Да, был.

– Моя мама оттуда родом.

– Вот как? Ты говоришь на креольском?

– Нет. Она умерла, когда я была совсем маленькой. Я никогда не была на Гаити.

– Это потрясающий остров. Я там долго общался с одним жрецом вуду, пытался разобраться.

– Можешь научить меня вуду?

– Конечно.

– Тебе нужна кукла вуду этого Джо Чикаго, – заметила Джинни, поворачиваясь к Энди.

Тот напрягся и несколько секунд молчал, так что Стюарт даже повернулся к нему, пытаясь понять, в чем дело.

– Кто такой Джо Чикаго?

– Головорез. Белая шваль.

– А почему его так зовут? – спросила Джинни.

– У него кожаная куртка прямиком из Чикаго, – объяснил

Энди.

– Только и всего?

– Но это правда!

– То есть я могу звать себя Джинни Корея, раз мои кроссовки там сделаны?

– Что ему нужно от Энди? – спросил ее Стюарт.

– Не знаю, он мне пока не сказал.

– От него лучше держаться подальше, – коротко оборвал их Энди. – Этот человек опасен. Не стоит иметь с ним никаких дел.

Больше они ничего от него так и не добились. Стюарт вскоре засобиравшись домой, потому что хотел еще узнать, как арендовать лодку. «Приходи в гости», – сказал он на прощание, прежде чем завести мотор и уехать с поля. Большая часть его кофе так и осталась нетронутой.

– Он богатый, да? – спросила Джинни.

– Его отец миллионер. Но он слишком занят, чтобы тратить деньги, поэтому Стюарт тратит их за него.

– Но милый. Мне он понравился.

Энди закрыл глаза. Несколько минут они сидели на солнце, прислушиваясь к крикам детей на пляже и верхушках песчаных дюн и звуку двигателей далекого самолета, взлетевшего над устьем реки.

– Энди, скажи, тебе в детстве не казалось, что ты отличаешься от остальных из-за цвета своей кожи?

Он так долго не отвечал, что Джинни пришлось в конце

концов потыкать его ногой.

– Я думаю, – буркнул он. – Мне казалось, я отличаюсь от остальных, но на то было очень много разных причин. Из-за того, что у меня черная кожа. И из-за того, что меня усыновили. И из-за... из-за того, какой я в целом. Конечно, я чувствовал себя другим.

– А ты знаешь, кто твои настоящие родители?

– Нет, но мне плевать.

В это Джинни не могла поверить.

– Неужели тебе не хочется знать, откуда они и кем они были? Вдруг это хорошие люди. Вдруг они обрадуются тебе. Сейчас можно отыскать своих родителей, я читала о таком. Если тебя усыновили, ты все равно можешь найти родных.

– Это очень мило, – с горечью заметил Энди, – но зуб даю, я и так знаю, кем была моя мать. Проституткой. Отец? Один из ее клиентов. И когда я родился, она просто от меня избавилась. Дальше это была уже забота местного совета, который скинул меня на них, – он кивнул на юг, где жили его приемные родители. – Думаешь, это все были хорошие люди? Чушь. Думаешь, я хочу раскопать все это и узнать точно? Да мне плевать на свою мать. Она ведь бросила меня, верно? Ну и к черту ее. Я – то, что я есть. Я свободен, понимаешь. Ничто меня не держит.

Джинни оперлась спиной на дверную раму, глядя на друга. Энди смотрел куда-то вниз, лица его не было видно, но ей показалось, что оно наверняка сейчас холодное и отстра-

ненное.

– Да, я отличаюсь от остальных, – после паузы произнес он. – Куда бы я ни поехал, я буду чужим и там. Я ведь даже на других чернокожих не похож, понимаешь. Возьмем Бри-столь, где я учился кулинарии – я же там себя круглым идиотом чувствовал, потому что другие парни, вроде меня, – черные, понимаешь, – пришли в первый день познакомиться и поговорить, и оказалось, они все говорят на сленге или своем диалекте. Все эти растафарианские штуки, знаешь? Боже, да я себя бóльшим дураком в жизни не чувствовал. Ни слова не понимал. И что бы я им ответил? Ребят, простите, я вообще понять не могу, что вы говорите, я из Уэльса. Глупость же. У меня речь выходца из Уэльса, но сам-то я не из Уэльса... И не из Африки. Я белый парень с черным лицом – вот кто я такой. Везде чужой.

– Точно! И я себя так ощущаю. Точно так, как ты описал.

– С тобой-то все будет хорошо. Когда пишешь картины, цвет твоей кожи никого не интересует.

– Если бы, – вздохнула Джинни. – Но это не так. По-моему, еще как интересует. Думаю, есть разница между тем, как пишут черные и как пишут белые. Точно так же, как между французской и китайской живописью, например. Ее легко заметить.

– И в чем она, разница между искусством черных и искусством белых?

– Этого-то я и не знаю, понимаешь! В том и суть. Поэтому

я и чувствую себя так же, как ты, и не знаю, где буду своей...

– Ладно. Но ты свободна, разве нет?

– Свободна?

– Свободна делать, что душе угодно. Как и я. Я везде чужой, но это значит, я свободен. Никто не может меня удержать.

«Кроме Джо Чикаго», – подумала Джинни. Но Энди отказывался говорить об этом. И на самом деле все было гораздо сложнее, чем она могла объяснить. Поэтому они просто продолжали сидеть у трейлера, а потом пошли к двум старушкам, купили по мороженому и отправились на пляж искать крабов, но крабы прятались очень хорошо, так что охота не увенчалась успехом.

Телефонный звонок

Все вокруг считали, что Джинни хорошо рисует. Учителя быстро замечали это, и ее работы всегда висели на выставочном стенде. В одной из школ она даже специально попыталась рисовать хуже, но ее все равно хвалили, а рисунки все равно брали на выставку. Именно тогда Джинни поняла, насколько там все глупые, возненавидела их за это и расстроилась так, что едва могла дышать.

Это было в том городе, где они жили в подвале. Папа спал в гостиной, а ей досталась единственная спальня. Плита, холодильник и кухонная раковина тоже стояли в гостиной. А наверху жил маленький мальчик. Они пытались играть во дворе вместе, но он постоянно плакал. Как-то раз его унесли наверх только из-за кошачьей царапины. Когда родители забрали его, Джинни осталась во дворе одна; за большой угольной ямой среди цветочных горшков она принялась строить город для своего игрушечного кролика, гадая, не умрет ли от царапины ее товарищ по играм.

В другой школе все должны были носить темно-зеленую форму и соломенные шляпы, которые удерживала на голове только тугая резинка под подбородком. Чтобы попасть на площадку для игр, нужно было пройти две улицы, поэтому

учителя выстраивали их парами и требовали держаться за руки. Джинни в пару всегда доставалась девочка по имени Джеки, которая вечно отпускала ее руку, пока учительница не заметила этого и не отругала ее.

На столике возле кровати Джинни стояла фотография матери в обитой кожей рамке. Все отмечали, насколько они похожи. Они с папой называли маму «Маман», на французский манер. Каждый вечер Джинни разговаривала с ней: просила передать Деве Марии, чтобы та прислала ангелов, которые уберегут Джинни от дурных снов. Как-то другие девочки решили рассказать ей секрет, но заставили поклясться смертным ложем матери, что она никогда его не раскроет. Джинни тогда очень испугалась. Она думала об этом весь вечер и никак не могла выбросить из головы. Смертное ложе казалось ей чем-то вроде особой кровати, которую привозят домой, когда тебе приходит время умереть; и вот уже и ты знаешь, к чему все идет, и все знают, пора ложиться спать, но ты не хочешь идти в кровать, но должен, потому что пришло твое время. О том, что именно происходит на смертном ложе, было и вовсе страшно подумать. В тот вечер она никак не могла успокоиться, и папа, который пришел поцеловать ее на ночь, обнаружил мокрую от слез подушку. Объяснить, в чем было дело, Джинни не смогла.

На следующее утро Джинни как раз собиралась идти на работу в «Дракон», когда зазвонил телефон. Она сразу узна-

ла голос собеседницы и почувствовала, как сильно забилося сердце. Это была Венди Стивенс.

– Привет, Джинни! Твой папа дома?

– Нет, он на работе. Хотите, я дам вам его номер? Он, скорее всего, в офисе...

– Спасибо, милая, его номер у меня есть. Я просто почему-то решила, что он будет дома.

– Ну...

– Подожди. Ты занята?

– Мне на работу нужно, смена начинается через полчаса, но...

– На работу? А где ты работаешь?

– В кафе. Ничего особенного.

– Здорово. Послушай... Папа говорил тебе что-нибудь после того, как я ушла?

– О вас?

– Да. И о том, почему я приходила.

Теперь у Джинни тряслись поджилки. Сев на пол, она уперлась локтем в стену.

– Нет.

– И не говорил о том, что происходит в Ливерпуле?

– В Ливерпуле?.. Не понимаю, о чем вы. Что там происходит?

– Что ж... Знаешь, давай-ка я позвоню ему. Он сам тебе все расскажет, так будет лучше.

– Нет, подождите! В чем дело? Расскажите мне, пожалуй-

ста. Я недавно спрашивала его о вас, но он ничего не говорит. И я знаю, что что-то не так. Но если вы думаете то, что мне кажется, то это все неправда, клянусь вам, это все ложь.

Пару секунд на том конце провода царило молчание.

– О чем ты, милая? – спросила Венди Стивенс совершенно другим тоном. – Что я, по-твоему, думаю?

– Что он... Вы ведь ведете какое-то расследование, да?

– Расследование? С чего бы?

Теперь уже Джинни не знала, что сказать.

– Я просто подумала... Вдруг. Ну знаете, кто-то мог вам сказать о чем-то, но это неправда. О нас с ним. Как в газетах пишут, знаете, о детях, которых берут в приемные семьи. Я думала, вы поэтому пришли. И боялась...

– Так, давай разберемся. Ты думала, я проверяю, не бьет ли тебя отец? Об этом речь?

– Да, – ответила Джинни, едва дыша. – Да, я так и думала. И если дело не в этом... Понимаете, просто мы же к разным расам относимся, так? И я знаю, социальные работники не любят, когда у белых родителей черные дети. Потому и подумала, вдруг... Не знаю.

– Это всего лишь один из принципов, который относится, к тому же, только к детям, которых усыновили или взяли под опеку. Но ты его родная дочь, так что не беспокойся. И кстати – он бьет тебя?

– Нет! Боже, конечно же нет!

– Я и не сомневалась. Нет, дело совсем не в этом. Но ты,

получается, все это время меня подозревала? И не спросила его об этом? Хотя, понимаю, это было бы непросто, да?

Сейчас Венди Стивенс говорила прямо и гораздо более разумно, чем во время своего визита. Может быть, так казалось потому, что Джинни не видела ее приклеенную улыбку – а может, она и не улыбалась вовсе.

– Но в чем тогда дело? – спросила она. Предмет ее беспокойства изменился, но она по-прежнему беспокоилась.

– Мне нужно сначала поговорить с ним. Не думаю, что об этом тебе должна рассказывать я, да еще и вот так, по телефону.

– Но вы же не можете сейчас просто повесить трубку! Я его до девяти вечера не увижу, скорее всего, он задерживается допоздна... Вы же не заберете меня? Не увезете от него?

Джинни знала, что это звучит, как отчаянная просьба о помощи, но ничего не могла с собой поделать; кто знает, какие возможности есть у социальных служб.

– Нет, – ответила Венди Стивенс. – Никто не сможет вас разделить. И никто этого и не хочет, даже если бы и мог.

– Тогда в чем дело? Это из-за мамы? Она жива или еще что-то выяснилось?

Это была безумная догадка, самое странное, что Джинни смогла придумать. Но Венди Стивенс снова умолкла.

– Что ты знаешь о своей матери?

– Только то, что папа рассказал. Она умерла вскоре после моего рождения.

– Ага. Понятно. Слушай меня, Джинни. Все, что сейчас происходит, касается твоего отца, но не сулит ему неприятностей. И не разрушит вашу семью – вообще ничего такого. Но только он должен рассказывать тебе об этом, я не могу. Это было бы неправильно. Поэтому сейчас я позвоню ему на работу и поговорю с ним. Он будет знать все детали – а еще я расскажу, о чем мы с тобой сейчас беседовали...

– Но не говорите, о чем я думала!

– Что мы будто бы решили, что он тебя бьет?

– Да. Не говорите ему об этом, пожалуйста. Не хочу, чтобы он думал... Просто скажите, что я беспокоюсь, ладно?

– Понимаю. И Джинни... Слушай, я снова заеду к вам через несколько дней. Тогда мы сможем еще раз побеседовать, если хочешь.

– Ладно. А почему вы приедете?

– Это тебе папа объяснит. А сейчас беги на работу, а то опоздаешь.

– Точно... Спасибо.

– Пока, Джинни.

В трубке щелкнуло. Джинни медленно поднялась на ноги и поставила ее на место.

* * *

Ей так много хотелось рассказать Рианнон, но никак не получалось: в тот день в «Дракон» посетителей оказалось

больше, чем за все время его существования. Нужно было разносить кофе, убирать грязные чашки, продавать пончики, сконы и кусочки домашнего пирога миссис Калверт – а еще следить, чтобы столы оставались чистыми и были накрыты к обеду: солонки и перечницы на местах, рядом пакетики сахара и бутылочки с кетчупом. За этими хлопотами девочки и парой слов не успели обменяться.

Днем Рианнон и ее мама собирались пройтись по магазинам, так что после смены времени для разговоров тоже не осталось. Поэтому домой Джинни вернулась расстроенной и весь день рисовала соседскую кошку, которой нравилось спать на стене их сада. Вечером нужно было идти в яхт-клуб и выполнять работу там, и по мере приближения ночи Джинни все больше и больше беспокоилась, ожидая встречи с отцом.

Когда она вернулась, он лежал в саду в гамаке: в руках банка пива, в плеере – старая кассета Пола Саймона. Несмотря на наушники, Джинни слышала музыку: она играла слишком уж громко.

Папа увидел ее и поднялся с гамака. Она села на стул на веранде к нему лицом.

– Пап, Венди Стивенс ведь тебе дозвонилась?

– Да. И сказала, что уже с тобой поговорила.

Видимо, банка пива у него в руке была не первой, потому что говорил он очень аккуратно и медленнее, чем обычно.

– Она обещала, что ты все мне расскажешь.

– Да. Она права. Сначала она мне не понравилась, но, может, я и не прав. Все сложно.

Джинни не знала, что папа имел ввиду, потому что интонация его совсем не изменилась. Было ли все сложно для него или для нее? Оставалось только ждать.

– Джинни, милая, Венди сказала, ты боялась, что тебя могут забрать у меня или что-то в таком духе. Это правда?

– Да. Никто из вас не объяснил мне, что к чему. Я думала, они могут разлучить нас, если захотят. Они ведь иногда делают так, да? Забирают черных детей из белых семей?

– Нет, они не могут. Ни за что. Даже не думай. Дело совершенно в другом. Джинни... у тебя есть брат.

Брат?

Молчание. Джинни не имела ни малейшего понятия, что на это можно сказать. Папа с тревогой наблюдал за ней.

– Мамы у вас разные, – продолжил он после небольшой паузы. – Он твой сводный брат. Я встретил... его мать до того, как познакомился с Маман. И так уж случилось, что его мама серьезно заболела. Очень серьезно. Все это время она растила его одна. Как я тебя. Но у нее рак, любой день может оказаться для нее последним. Я не ожидал... Я не... В общем, она сейчас в больнице. И может умереть сегодня вечером – или на следующей неделе, или в следующем месяце, никто этого не знает. Роберт – так зовут мальчика – находится у опекунов, но рано или поздно ему понадобится дом. И единственный дом, который у него есть, – наш. Именно

поэтому Венди Стивенс и приезжала... когда там она приезжала? На прошлой неделе. Я тогда ничего тебе не сказал, потому что мама Роберта ложилась на операцию. Это могло помочь, все вернулось бы на круги своя, и ничего... Никто бы... Не знаю. К сожалению, этого не случилось. Она очень больна. И... очевидно, бедный мальчик, Роберт, приедет к нам.

Он потряс банку. Пива в ней почти не осталось. Джинни опустила взгляд на руки, на свои темно-коричневые руки, сложенные на коленях.

– Он черный? – спросила она. – Или его мама?..

– Нет.

Наверное, это был не лучший вопрос. Но уже слишком поздно.

– Когда он приедет?

– Примерно через неделю. Сначала похороны. Боже... Может, конечно, случится чудо, мы ведь именно чудес всегда ждем от Бога. И она поправится. Но я сильно в этом сомневаюсь. Так что после... Когда она умрет. Это будет... довольно скоро.

«У меня есть брат, – подумала Джинни. – Белый брат». Никогда еще она не слышала более странных новостей. Даже появление сестры Рианнон было не настолько удивительным. И Рианнон поймет только часть этой истории, но не все. Все поймет только Энди. Потому что теперь Джинни окажется еще более чужой. Белый отец, белый брат, черная сестра.

Как белая ворона, только наоборот.

– Сколько ему лет?

– Он немного старше тебя.

– Немного? Насколько?

– Не помню. На несколько месяцев.

– Это он был тем маленьким мальчиком, которого поцарапала кошка?

– Поцарапала кошка... Не знаю, милая, ты, скорее всего, спутала его с кем-то другим. В одном я уверен: вы никогда раньше не встречались.

– А ты... Когда ты... Ну то есть, когда ты встретил Маман, ты...

– Стоило мне встретить Маман, я сразу позабыл обо всех остальных. Она всегда была моей единственной. Было глупо держать это от тебя в тайне, Джинни, я знаю. Прости, что так все вышло. Не слишком-то хорошо у меня получается... Но я никого не любил сильнее тебя, цыпленок. Я... пытаюсь сказать, что все изменится. Я не могу оставить этого мальчика взрослеть с другими людьми в другом доме. Я отвечаю за него. А ты нет, но тебе все равно придется... разделить эту ношу. И легко не будет. Я просто хочу попросить прощения. Это не твоя ответственность, но ты вынуждена будешь ее разделить. Это нечестно.

Он умолк, закрыв глаза. Внутри Джинни вспыхивали и угасали разные чувства: удивление, злость, ревность, недоверие, воодушевление, опасение, даже радость. Они подни-

мались на поверхность и снова пропадали в глубине души, как одежда в машине для сушки. Вот только она не испытывала их все, а просто наблюдала. Может, дело было в том, что эти чувства ей полагалось испытывать, но сама она ощущала все иначе. Сложно было понять.

– Роберт, – сказала, наконец, Джинни.

– Верно. Имя выбрала его мама.

– А ее как звали?

– Дженет.

– А ты... А он... Ты с ним встречался раньше?

– Ни разу. Для меня все это так же неожиданно, как и для тебя. Но я собираюсь сначала съездить в Ливерпуль, увидеться с ним и с Дженет, возможно. Во всем разобраться.

– А где он будет спать?

В доме было всего две спальни. Он был маленьким, но никогда не казался тесным – до этого вечера.

Папа вздохнул.

– Нам придется многое поменять. Не знаю. Наверное, в кабинете. Я перенесу все оттуда к себе в комнату. Справимся.

Кабинет! Впервые за все это время Джинни осознала, что кабинет на самом деле был еще одной спальней. Так значит, в доме их на самом деле три.

– И он будет ходить в школу?

– Ага. Думаю, да. То есть да, конечно. Нужно будет встретиться с директором... Как его там... С Биллом Эвансом.

– И ему нужно выучить валлийский.

– В этом тебе придется ему помочь.

Джинни промолчала. Пауза затянулась. Папа наклонился в гамаке, дотянулся до ее руки и сжал ее. Джинни кивнула.

– Ого, – сказала она. – Понятно. Ладно.

Гвинант

Лучшим моментом своей жизни Джинни считала одно яркое солнечное утро. Ветер гнал по синему небу пушистые белые облака, а какая-то женщина вешала на просушку простыни, и они тоже походили на облака – такие же белые, пахнущие свежестью влажные облака, хлопавшие и развевавшиеся на ветру, готовые взлететь и выше. Женщина пела, ее песня плутала среди облаков и простыней, поднималась вверх, заполняла собой бескрайнее сияющее небо, и Джинни вдруг почувствовала в себе такую легкость, что и сама, казалось, смогла бы подпрыгнуть и улететь в эти бесконечные голубые просторы; а потом пришел папа, и все это стало явью: она летела, взлетала на его плечи, над простынями, вверх, вверх вместе с ветром, с песней и с облаками к бездонному завораживающему небу, и колотила папу по голове от восторга, пролетая по миру, полному белоснежных простыней, и пушистых облаков, и бессмертной, вечной синевы.

* * *

Первым делом Джинни поделилась новостями с Рианнон. Все утро они шептались за кофемашиной: ароматное, пол-

ное пара убежище, которое она предоставляла, казалось, было способно сохранить любые тайны. Многим посетителям «Дракона» в тот день пришлось не один раз демонстративно прокашляться или постучать по стойке, чтобы их наконец заметили.

Закончив смену, девочки взяли велосипеды и поехали в долину Гвинант, вверх по реке. Спокойная и ленивая возле моря, где в устье стоял яхт-клуб, в холмах она показывала совершенно иной характер: русло становилось узким, а вода – кристально-чистая и холодная, как лед, – стремительно перекачивалась через осколки серых древних гранитных утесов и маленькими водопадами бурлила среди замшелых дубов, вздымая облака брызг. Солнечные лучи искрились на камнях впереди, а Джинни и Рианнон с трудом поднимались по извилистой дороге, пока не добрались до узкого моста, перекинутого через реку там, где она образовывала небольшой бассейн, и течение было достаточно медленным, чтобы там можно было искупаться.

Вода была холодной, но они прыгнули в нее не раздумывая. Ее ледяная чистота быстро остудила их разгоряченные тела, и спустя пять минут девочки уже снова выбрались на берег, оставляя за собой мокрые пятна, и устроились на горячей, поросшей мхом скале. Сотни лет назад она раскололась на асимметричные прямоугольные блоки, размером с автомобиль, другие блоки – поменьше – упали в русло реки, будто перепуганные этой катастрофой. Поток мягко петлял

между ними и с плеском обрывался в белоснежный водопад. Здесь легко было перебраться на другой берег всего в три прыжка – или в три шага, если у вас достаточно длинные ноги.

Джинни и Рианнон лежали молча, чувствуя, как прохлада на коже постепенно испаряется, уступая место жару, и прислушиваясь к неумолчному шуму воды и стрекотанию насекомых в траве.

– Значит, Роберт? – спросила наконец Рианнон.

– Ага. Что же делать?

– Я изо всех сил обдумываю ситуацию. – лениво ответила Рианнон. – И скоро что-нибудь придумаю. Подожди.

– Тебя вдруг нашла сестра, меня – брат. Безумие какое-то. Хорошо еще, что сестра у тебя нормальная.

– Хотя я не могу сказать того же о ее муже.

– Что? Вы знакомы?

– Ага. Я вчера вечером к ним съездила. Я не рассказывала?

Джинни приподнялась на локтях. Рианнон усмехалась, но это было даже хорошо: теперь чувство вины за украденную первую встречу окончательно рассеялось.

– И что случилось?

– Я сказала маме, что иду на свидание с Питером, и она не стала возражать, потому что Питер ей нравится. Ну а я просто пошла на поезд, доехала до Портафона, позвонила в дверь – и вот он передо мной, ее муж. Жуткий тип. Мой

зять. Фу-фу-фу. Он был одет как бизнесмен: костюм, ботинки и маленькие черные усики. Боже. Похож на молодого мексиканца, а на самом деле окнами торгует. Ну и придурок. Не знаю, что она в нем нашла, честное слово.

Джинни попыталась представить, как так вышло, что приятная и яркая женщина, с которой она виделась пару дней назад, влюбилась в аккуратного маленького человечка с черными усиками.

– И о чем вы говорили?

– Все прошло очень странно – думаю, ты можешь представить: я и эта взрослая женщина, которая так на меня похожа... Как по-твоему, она похожа на меня? Или я на нее?

– Ну да. Но она не такая расслабленная, как ты.

– В каком это смысле? Я не расслабленная.

– Тогда гибкая.

– Гибкая, – слегка пренебрежительно повторила Рианнон. – Ты, видимо, пытаешься сказать, что я грациозная. А она не настолько. Вполне справедливое замечание.

– Так а говорили-то вы о чем?

– Я как раз к этому веду. Сначала она все спрашивала, вспоминают ли о ней папа с мамой. Раза два точно. И я, конечно, не могла ответить «нет». Пришлось сказать, что да, иногда вспоминают. Рассказала ей о «Драконе». Хелен о нем ничего не знала: когда она ушла из дома, папа еще работал инженером на аэродроме.

– Я не знала.

– Теперь знаешь. Потом Хелен сказала, что не может представить его в роли управляющего кафе, а я ответила, что он и не управляющий, это мы с мамой всем занимаемся. И еще ей интересно было узнать побольше обо мне, о школе и прочих скучных штуках. А чертов Бенни сидел и слушал, как будто проверял меня. Представляешь, я о тебе упомянула – сказала, это ты посоветовала мне приехать и навестить Хелен, – а она тут же покраснела. Потом потрясла головой едва заметно, так, чтобы он не видел, и сделала вот так...

Рианнон одними губами прошептала «Нет» и изобразила испуг. Получилось очень хорошо: Джинни легко могла это представить.

– Это из-за него, да?

– Ага. Она не хотела, чтобы он знал. Я сразу поняла, что Хелен нравится твой папа. Потом, когда мне надо было уходить, она спустилась вместе со мной в город, и мы смогли поговорить свободнее. Бенни ужасно ревнивый, ревнует ее ко всему. И он в курсе, что она знает твоего папу, но думает, это потому, что он у нее в офисе компьютеры устанавливал. Она же работает в каком-то архитектурном бюро. Только и всего. И неизвестно, как бы он себя повел, если бы решил, что между ними что-то есть. Я так понимаю, Хелен один раз виделась с твоим папой – они обедали вместе, что ли, или просто ходили выпить. Но вот что, слушай... Помнишь тут историю про него и про тюрьму? Знаешь, кто пустил этот слух?

– Кто?

– Бенни. Он рассказал об этом Хелен, потому что ревновал и хотел ее припугнуть. А ему это шепнул Джо Чикаго, про которого ты мне рассказывала.

– Не может быть, – удивилась Дженни. – Как он вообще может быть знаком с Джо Чикаго? Тот ведь живет в Аберистуите. Это далеко.

– А вот и нет. В Портафоне он живет, если верить Хелен. И они с Бенни знакомы потому... Нет, подожди, не помню. Просто знакомы. Но это он пустил тот слух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.